

*Моей Лине,
вызывавшей Пиковую даму
так громко, что я не знал,
куда мне прятаться*

Свобода же в том, чтоб выпасть из вертикалей,
Понтов и регалий, офисных зазеркалий,
Чтоб самый асфальт и был тебе пьедестал.

Вера Полозкова

Пролог

Прага, 3 января 202... года

В автобусе топили так, что хотелось раздеться до трусов. Сане было лень, и он потел в свитере. Ну понятно: зима. Парят детей, как индеек, в собственном соку. А то вдруг простудятся.

Он не хотел быть «самым умным» и не бунтовал, а просто ехал и смотрел в окно. То есть не в окно, а в большое зеркало рядом с водителем, где всё отражалось. Окно загородил дядя шириной в пол-автобуса, и вместо Праги Саня видел его титанический живот с оленем. Это всё их зарублитша: «В своей титанической поэме он с титанической силой воплотил...» При чем тут «Титаник», никто не знал, но словечко ушло в народ.

Зарублитша и сагитировала тогда Саню:

— Ребят, а кто на новогодние в Прагу? Специальная детская путевка, двадцать процентов скидки...

Праги как таковой Саня почти не видел: их таскали в автобусе, чтобы не уморозить и вернуть в здоровом виде. Хотя куранты вот эти — прикольные, с фигурками, которые как куклы Чаки. И еще этот Голем, который с башни рухнул... Ватный голос в динамике что-то излагал про него, и Саня даже пытался уловить нить, но потом сдался: эфиром завладели старшие пацаны.

— А ты чё, реально про Тихий дом не это? Ну ты ваще!.. Ничё, просветим тебя, будешь умный как я! Окей гугл, Тихий дом!..

«Что же такое Тихий дом? — вещал телефон. — Это самый нижний уровень мистического, именно мистического интернета. Об этом месте ходят десятки легенд и сотни мифов...»

Со старшими Саня не хотел связываться: никто его не поддержит, это же ясно. Автобус наполовину состоял из каких-то непонятных дядечек; из детей были только здоровые лоси выше Сани плюс мальков аж три штуки, и то из разных школ... Дурдом, в общем. И эта жарница...

«Все знают о четырех уровнях интернета, — слушал Саня, рассеянно глядя на огни в зеркале. Обычные городские огни, хоть и пражские. — Level D — наш обычный интернет. Level C — скрытый или глубокий интернет. Еще глубже level B — темный интернет, или даркнет. И, наконец, level A — Тихий дом. Многие не раз ставили перед собой вопрос о Тихом доме

и способе попасть туда. И некоторые попали туда, но не все вернулись. А некоторые считают, что Тихий дом и есть сама...»

Огни вдруг застыли, будто их кто заморозил.

Светофор? Или пробка-тянучка. Или еще что.

За окном подъехал другой автобус — рейсовый, городской — и тоже застыл. В зеркале отражались его пассажиры: старушка в красивой шляпе, гопник с бородицей, мужик с никаким лицом, о котором ничего не скажешь, как ни старайся... Сане иногда попадались эти, похожие как манекены, и он так и называл их — манекены...

Прикольно, думал он: за двумя слоями стекол — другая жизнь, другой язык, другое всё. Как скрытая камера на другой планете. Может, это некрасиво — так подсматривать? Хотя они же не прячутся. Просто едут по своим инопланетным делам.

Автобус сдвинулся на полметра, и скрытая камера тоже сдвинулась, впустив новые лица. Вот еще одна старушка. Вот девчонка с красивыми кудрями. Вот программист, как папа, потому что очки. А вон...

Стоп.

Это как вообще?..

Просто показалось, внушал себе Саня, таращась в зеркало. Просто похожа. Просто тип такой.

Они же в разных странах бывают, эти синеволосые с вот таким лицом. Очень даже славянский тип, а что? Очень даже...

Хоть и знал, что не показалось. Никакой не тип и не похожа, а именно она. Именно в своем голубом пальто, которое Саня знал до последней пуговички, именно со своими синими волосами и именно она. Юлюля. Юльчик. Юлища. Его, Сани, родная мачеха. (Так он говорил для прикола и потом привык.) Новенькая жена его папы, два года как расписались. Его Мамуля Юля, которую он обожал сильнее гонок и аквапарка и которая сейчас сидит у них дома, на Возмездия, 45. По идее.

Значит, не сидит?..

Саня заерзал (титанический живот недовольно колыхнулся) и достал телефон.

Хоть и роуминг, но...

— Аллё, мам? Привет... Ничего, всё нормально. Едем вот в автобусе. Жарко очень... Жарко, говорю. Слышь, мам, а... ты щас где? Дома? — допытывался Саня, глядя на зазеркальную Мамулю Юлю, уплывавшую за кромку зеркала. — Дома, да?.. Ничего, просто...

«Забыл пароль от носков?» — смеялся голос в телефоне. Саня обожал ее приколы, но сейчас буркнул «ладно тогда, пока» и сбросил.

Они поехали. В зеркале снова мелькали иностранные огни, но Саня еще долго пялился туда, не замечая, что бормочет вслух:

— Просто похожи... Сумка похожа, пальто... Идет им, вот и носят... Вот и все дела... Вот и все дела...

— LEVEL D —

Кто стучится?

Ведь всех впустили.

Это гость зазеркальный — или

То, что вдруг мелькнуло в окне...

Анна Ахматова. «Поэма без героя»

Глава первая,

в которой ничего не понятно

Дети всегда ревнуют, когда приходит новая мама, — Саня был в курсе, ему психологша рассказала. Поэтому он не переживал, что ревнует Юлю к папе, а просто ревновал и знал, что так надо. И очень удивился, когда выяснил, что надо наоборот.

Когда она пришла, Саня даже не понял, к чему тут этот лепрекон с салатovým хвостиком (тогда он был салатový, потом лиловый, а теперь синий) и каким образом вышло, что они целый день рубятся в танчики; а потом Юля как-то совсем не обидно выехала на домашку и даже что-то там решила. Не так быстро, как Саня, он же в матшколе, но тоже гуд. И так было всегда — незаметно, не обидно и совсем не скучно.

И папа не сразу понял, что это за Юля. Когда они уже всю женились, Саня выдал тост: «Чтобы ты ее не замучил и немного оставил мне». Вся свадьба

лежала и не могла говорить, а Юля кинула в Саню апельсином; но уговор папа старался соблюдать.

Она была дико красивая у него. Саня не сразу это понял, а когда понял — оказалось, что давно знал. Ее лепреконские уши так высовывались из волос, что за них хотелось заткнуть цветок или что-нибудь такое. А еще она всегда смеялась, даже когда голос плакал. Себя называла «злая мачеха» и была шалопутная, как тролльский тролль: била папу бананами, запирала Саню в туалете и присылала ему клипы с отрывкой. Скучно с ней не было, даже когда папа ушел в политику и Юлино лицо сделалось скуластым, с углами. Саня тогда понял, что она сильно старше его, хоть и девчонка.

Вначале он говорил ей «Юля», «Юлюля» и «Юлища». Потом иронически — «Мамуля Юля», потом сокращенно — «Мамюля», а потом и просто «мам». Так короче, объяснял он себе.

Она очень хотела с ним в Прагу, но не поехала. Почему — Саня так и не понял; это как-то было связано с папиной политикой, а как — он не вникал. С папиной политикой вообще было много чего связано — и хорошего, и всякого: папу стали узнавать на улицах, подходить к нему с камерой, а однажды облили его зеленкой, и он целую неделю ходил зеленый. Юля тоже тогда перемазалась, чтобы все видели, что она за него. И еще у них дома стало по-другому — не хуже и не лучше, а будто в воздухе

сквозил какой-то ток и все из-за него немножко кривлялись.

Когда Саня вернулся из Праги, ток усилился. Он стал таким кривлячим, этот ток, что с Юлей уже не получалось просто быть, и всё. Во-первых, Санин взгляд постоянно цеплялся за что не надо, будто у Юли всего этого раньше не было. Во-вторых, Саня как бы спрашивал, глядя на нее: ты правда не ехала в том автобусе? Правда сидела дома?

Он привык, что Юля читает его взгляды, и не знал, что стыднее — «во-первых» или «во-вторых». (Почему-то именно ему было стыдно, будто это он сбежал из дому и тайком катался чёрт-те где, а не Юля.) В общем, всё у них теперь стало каким-то стрёмным, и сама Юля тоже стала стрёмной, будто ее кололи иглами в пятки. И даже цвет ее волос стал стрёмным — такой синий-синий, как если долго смотреть в небо и оно давит тебе глаза.

А может, это весь мир стал стрёмным. Или, наоборот, один только Саня. Психологша говорила ему что-то такое про возраст (он не вникал, но «заброшенность в мир» осела в голове). Стрёмными были одни и те же лица на билбордах, и кричалки, и обязательный гимн перед уроками, и люди в метро, которые не давали выйти, если ты последний, и присесть тоже не давали — вон ветераны щас обязательно зайдут, расселся тут, прямо как не наш, чтоб тебя. И еще — люди-манекены.

Почему-то их стало больше. Или Саня стал их больше замечать. Или просто ему стало казаться, что вокруг много одинаковых лиц, о которых ничего не скажешь, кроме того, что они одинаковые. То есть они не одинаковые, конечно: одно толстое, другое худое, одно курносое, другое со шнобелем, как у марабу, — но при этом как бы и одинаковые. Как в малышowych мультиках все мишки-няшки розовые и ути-пути. Или не розовые, но всё равно.

Короче, Саня сам запутался и подумывал, кому бы это рассказать. Вариантов имелось немного. Главный из них — Юля — был таким грустным, что Саня старался даже близко его не думать, не то что напрямик.

Папа? Тот никогда особо не слушал Саню, а сейчас настолько был в политике, что и на Юлю его не хватало, не то что на всякую болтливую мелочь.

Психологша? По идее, это было бы правильно, но Саня любил троллить всё правильное и затроллил бы ее нафиг. Жалко тетеньку, лучше не надо.

Оставалось только два варианта, и оба они учились в Санином классе.

Предпоследний вариант звали Яной. Она была, как уже понятно, девочкой, но только совсем не девочковой девочкой, а скорее вне системы. (Так думал Саня, чтобы не думать слово «особенная», которое означало совсем не то, что нужно.) Девчочковых девочек развелось много, и на вид они были очень

даже, Саня вполне признавал их; но Яна — это Яна. У нее, может, и не было всего этого, и волосы ей стригли по шею (или даже по затылок), и толстые свитера она носила, и очки... и еще она была гением. Самым настоящим гениальным гением, и именно той самой математики, для которой сделана их школа. Точнее, программирования: она уже наваяла чертову кучу приложений, и одно даже стояло на всех школьных телефонах — суперудобный дневник, который Яна смастерила в четвертом классе. Лучше б игрушку смастерила, ругались одноклассники, и Саня ругался бы с ними, если б не понимал, что просто зависть, и всё.

Она была «на своей волне». Кто-то так сказал про нее — не важно кто, важно, что правда. Ее глаза, огромные под очками, смотрели в никуда, будто очки отфутболивали взгляд обратно в мозг. «Твои глаза как черные дыры» — придумал Саня сравнение (вдруг пригодится). В те редкие дни, когда она появлялась в школе (ее вечно таскали по конференциям и олимпиадам), она была непонятно на кого похожа, будто никакой Яны здесь нет, а вместо нее — призрак с этими своими черными дырами. Ее даже не дразнили — вот какая она была. И гениальная, да. Все это знали и делали вид, что не завидуют.

Красоток — девчочковых красоток, в смысле, — в Санином классе вполне хватало, и Саня очень даже любил на них поглазеть; но когда была Яна,